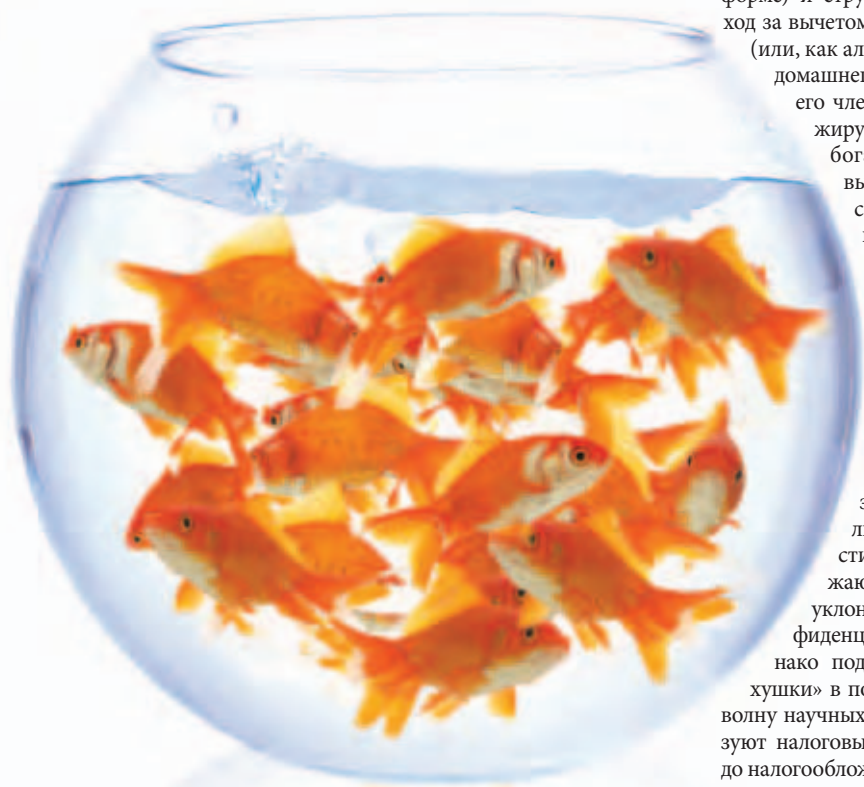

Более или менее

За последнюю четверть
века вместо ожидаемого
сокращения произошел рост
неравенства доходов

Бранко Миланович

НЕРАВЕНСТВО растет. Усиливается разрыв между богатыми и бедными в отдельных странах, а в последнее время и между странами. Всемирный финансовый кризис препятствует росту реальных доходов в странах с развитой экономикой, но в то же время, судя по всему, способствует сужению глобального неравенства между жителями разных стран, поскольку экономика большинства развивающихся стран продолжает стремительно расти. Существует мнение, что неравенство не является проблемой, пока рынки функционируют эффективно, а уровень доходов растет. Противники этого мнения утверждают, что оно препятствует экономическому росту и только определенная величина разрыва приемлема с этической точки зрения.

Измерение неравенства

Как же измерить неравенство? Люди имеют обыкновение сравнивать свое личное финансовое положение с положением соседей, сослуживцев или друзей, оценивая их дома и остальное имущество. Экономисты для измерения неравенства доходов обычно используют обследования домашних хозяйств. Опрашивается большое количество домашних хозяйств, с тем чтобы определить разнообразные источники их дохода (в денежной и натуральной форме) и структуру потребления. Общий доход за вычетом уплачиваемых прямых налогов (или, как альтернатива, общее потребление) домашнего хозяйства делится на число его членов, а затем все индивиды ранжируются от самых бедных до самых богатых, в соответствии с душевым доходом домашнего хозяйства. Это позволяет рассчитать показатель, который экономисты называют коэффициентом Джини (см. вставку 1).

Хотя обследования домашних хозяйств и являются наилучшим инструментом оценки уровня и изменчивости доходов, они не лишены недостатков. Верхушка распределения может оказаться «урезанной»: по-настоящему богатые люди либо отказываются от участия в обследовании, либо занижают свои доходы. Причины такого уклонения не ясны, учитывая конфиденциальность обследований. Однако подозрения об «урезанности верхушки» в последнее время породили целую волну научных исследований, которые используют налоговые данные — заявленный доход до налогообложения богатых, — чтобы оценить долю в доходах одного (или 0,1) процента самых богатых лиц. Они исходят из допущения о

том, что богатым сложнее утаить доходы от налоговых органов, чем от лиц, проводящих обследования, и что с первыми они более правдивы. Однако в действительности результаты измерения неравенства в США, основанные на обследованиях, слабо отличаются от результатов, полученных на основе налоговых данных (Burkhauser et al., 2009), даже несмотря на то, что обследования описывают полное распределение доходов, тогда как налоговые данные касаются лишь его верхней части.

Хорошо или плохо?

Мнение о том, что неравенство неблагоприятно сказывается на экономическом росте (или что более равномерное распределение доходов способствует сохранению темпов экономического роста), в последние годы завоевывает все больше сторонников (см. статью «Равенство и эффективность» в настоящем выпуске *Ф&Р*). Прежде среди экономистов господствовала противоположная точка зрения о том, что неравенство благотворно сказывается на экономическом росте.

Главная причина такого сдвига состоит в растущей важности человеческого капитала с точки зрения экономического развития. Раньше, когда наибольшее значение придавалось физическому капиталу, ключевую роль играли сбережения и инвестиции. Тогда было важно иметь большую группу состоятельных людей, которые в состоянии сберечь более значительную часть дохода, чем бедные, и инвестировать ее в физический капитал.

Однако теперь, когда человеческий капитал является более дефицитным ресурсом, чем машины, ключом к экономическому росту стало всеобщее образование. Но доступного для всех образования можно добиться лишь в том случае, если распределение доходов в обществе является относительно равномерным. Кроме того, общедоступное образование не только требует относительно равномерного распределения доходов, но и, в свою очередь, способствует ему, сокращая разрыв между доходами квалифицированных и неквалифицированных работников.

Поэтому в настоящее время экономисты придают неравенству большее значение, чем прежде. Преимущества, которые дает сокращение неравенства, носят как практический (стимулирование экономического роста), так и этический характер (уменьшение ничем не оправданных разрывов в доходах между мужчинами и женщинами, между людьми, живущими в разных регионах страны, или между гражданами разных стран). В минувшую четверть века произошли противоречивые изменения: в то время как многие разновидности неравенства усилились (особенно в отдельных странах), другие стали менее явными.

Растущее неравенство

С начала 1980-х годов в большинстве стран неравенство в доходах увеличилось (или в лучшем случае осталось неизменным) (OECD, 2008). Во многих случаях это противоречит двум теориям, наиболее часто используемым для прогнозирования неравенства: кривой Кузнеця и теореме Хекшера-Олина-Самуэльсона (ХОС) (см. вставку 2).

Неравенство доходов в самых богатых странах (в частности в тех, для которых имелись многочисленные долгосрочные данные: США и Великобритания) первоначально изменялось в соответствии с моделью (подъема и затем спада) Кузнеця (это и неудивительно, учитывая, что именно данные наблюдения вдохновили Кузнеця на формулирование его гипотезы). После пика неравенства, достигнутого в Великобритании в конце XIX века, а в США в 1920-х годах, эти страны пережили масштабное и долговременное снижение неравенства, продолжавшееся до конца 1970-х годов, когда оно сократилось до своей минимальной величины.

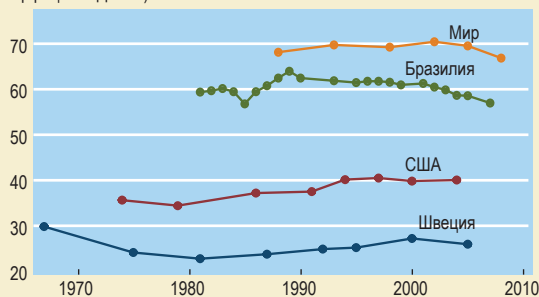
Однако с тех пор США и Великобритания (а также большинство стран с развитой экономикой) стали гораздо богаче и характеризуются гораздо более неравномерным распределением доходов. В 2010 году реальный душевой доход в США был на 65, а в Великобритании — на 77 процентов выше, чем в 1980 году. За тот же период неравенство в США возросло с 35 до 40 пунктов коэффициента Джини (см. рис. 1), а в Великобритании — с 30 до примерно 37 пунктов коэффициента Джини. Этот рост отражает значительные отрицательные сдвиги в распределении доходов. В целом, с середины 1980-х до середины 2000-х годов неравенство возросло в 16 из 20 богатых стран-членов ОЭСР. Такое совпадение растущего среднего дохода и растущего неравенства в развитых странах, несомненно, привело в замешательство Кузнеця, да и многих других экономистов.

Неравенство также усилилось в Китае — бедной стране, которая имеет сравнительное преимущество в производстве товаров, требующем больших затрат неквалифицированной рабочей силы, и в которой отношение внешней торговли к ВВП подскочило примерно с 20 процентов до более чем 60 процентов в 2008 году. Из теоремы ХОС о глобализации следует, что неравенство должно сокращаться по мере повышения заработной платы низкоквалифицированных работников по сравнению с заработной платой квалифицированных работников. На самом же деле коэффициент Джини для Китая

Рисунок 1

Мировые разрывы

Глобальное неравенство (между гражданами разных стран) даже сильнее, чем неравенство внутри стран с самым неравномерным распределением доходов. (Коэффициент Джини)

Источники: для США и Швеции — Люксембургское обследование доходов; для Бразилии — база данных SEDLAC; для мира — Milanovic (2011). Всемирный коэффициент Джини 2008 года является предварительной оценкой.
Примечание. Коэффициент Джини основан на располагаемом доходе.

Вставка 1

Выпустить Джини из бутылки

Коэффициент Джини является наиболее часто используемым показателем неравенства. Теоретически он варьирует от 0, когда доходы у всех одинаковы, до 100 (или 1), когда все доходы общества получает один человек.

Какие значения коэффициента Джини считать «нормальными», «обычными» или «желательными»? В странах, характеризующихся наибольшим равенством (например, Швеция и Канада), коэффициент Джини составляет 25–35. Однако большинство стран сконцентрировано вокруг коэффициента Джини, равного 40. Коэффициент Джини в США, Китае и России либо незначительно превышает 40, либо равен 45. В большинстве африканских и латиноамериканских стран коэффициенты Джини варьируют от 55 до 59, а в некоторых крайних случаях и периодах коэффициент Джини может достигать даже 60. Нет подтвержденных случаев, когда на протяжении длительного периода коэффициент Джини был выше 60. Поэтому фактический интервал неравенства на уровне отдельных стран составляет от 25 до 60. А глобальное неравенство (между гражданами разных стран) выходит за пределы этого интервала, достигая почти 70 (см. рис. 1).

возрос с менее чем 30 в 1980 году до примерно 45 в настоящее время. Вновь факты противоречат теории.

Рост богатства в богатых странах

В чем же заключаются причины неравенства? В богатых странах, как утверждают некоторые экономисты, причиной возобновления роста неравенства является технический прогресс, который приводит к повышению спроса на высокообразованных работников. Общество оказалось не в состоянии «производить» высокообразованных работников в количестве, требуемом новой экономической системой, и, как следствие, их заработная плата возросла по сравнению с заработной платой их менее квалифицированных коллег. Как утверждал покойный нидерландский экономист (и первый лауреат Нобелевской премии по экономике) Ян Тинберген, неравенство является результатом гонки между технологией и образованием. Несмотря на то что в течение первых десятилетий XX века эта гонка складывалась в пользу менее квалифицированных работников, требования научно-технической революции вновь поставили в более выгодное положение квалифицированных работников.

Например, в работе Godin and Katz (2008) приводится вывод о том, что в США на протяжении последних тридцати лет предложение квалифицированных работников оставалось относительно фиксированным — средняя продолжительность обучения застыла на уровне 12 лет, а это, как утверждают исследователи, по крайней мере, отчасти объясняет рост неравенства в США.

Эти данные выглядят вполне правдоподобно, хотя и несколько тавтологично, поскольку мы не можем напрямую измерить, насколько технический прогресс благоприятствует положению квалифицированных работников. Мы можем только предполагать степень этого влияния исходя из разрыва между заработной платой квалифицированных и неквалифицированных работников. Но возможно также, что увеличение этого разрыва было обусловлено совершенно иным фактором — скажем, ослаблением профсоюзов.

Институциональная система страны также играет важную роль в определении уровня неравенства. Правительство может использовать повышение налогов и социальных пособий для перераспределения части более высоких доходов, получаемых

квалифицированными работниками. Более активное перераспределение в континентальной Европе может объяснить причину гораздо меньшего роста неравенства, чем в англоязычных странах (Piketty and Saez, 2006). Например, в 2005 году социальные трансферты (без учета пенсий) и прямые налоги привели к снижению коэффициента Джини в Германии на девять пунктов, а в США — всего на шесть.

Отказ правительства от принятия мер по минимизации неравенства может отражать убежденность в том, что перераспределение доходов экономически невыгодно и нарушает рыночные стимулы (подтверждая доводы в пользу существования значительного компромиссного выбора между равенством и экономическим ростом). Однако непринятие мер по перераспределению доходов может отражать и политические реалии — когда богатые оказывают непропорционально большое влияние на политику, поскольку являются более политически активными и в большей степени финансируют политиков, чем их менее состоятельные сограждане.

Новейшие политико-экономические модели неравенства исходят из допущения о том, что «решающий избиратель» — тот, чьи предпочтения перевешивают чашу весов в ту или иную сторону, — гораздо богаче, чем «избиратель с медианным доходом». В этом случае политические решения в гораздо большей степени совпадают с предпочтениями богатых. Согласно этой теории, политические системы сместились в сторону модели «один доллар, один голос», отдавшись от более традиционной модели «один человек, один голос» (Karabarbounis, 2011).

Еще одним объяснением роста неравенства служит изменение социальных норм. В прошлом общество неодобрительно смотрело на огромный разрыв в доходах между, скажем, генеральным директором компании и ее работниками. Сейчас эти разрывы велики и, как представляется, их не только терпят, но и поощряют (Levy and Temin, 2007).

Вставка 2

Рассуждая теоретически

Согласно теории *кривой Кузнецца*, предложенной Саймоном Кузнецом в середине 1950-х годов, в доиндустриальных обществах почти все были одинаково бедными, поэтому уровень неравенства был низким. Неравенство начинает расти, когда люди переходят от низкопроизводительного сельского хозяйства к более производительному промышленному производству, где средний доход выше, а распределение заработной платы менее равномерно. Однако по мере того, как общество становится все более зрелым и богатым, разрыв между городом и деревней сужается, а пенсии по старости, пособия по безработице и иные социальные выплаты способствуют снижению неравенства. Таким образом, кривая Кузнецца напоминает перевернутую букву «U».

Теорема Хекшиера-Олина-Самуэльсона о международной торговле гласит, что по мере вовлечения бедных стран в мировую торговлю усиливается их специализация на производстве товаров, в котором они имеют сравнительное преимущество, а именно, товаров, производимых с использованием низкоквалифицированного труда. В результате этого в таких странах растет спрос на низкоквалифицированную рабочую силу и заработная плата низкоквалифицированных работников повышается по сравнению с оплатой труда квалифицированных работников. Неравенство, измеряемое как соотношение заработной платы квалифицированных и неквалифицированных работников, сокращается. В богатых странах происходит обратное: по мере того как они экспортируют все больше товаров, производимых с помощью высококвалифицированного труда, неравенство в них увеличивается.

Несмотря на то что данные подтверждают этот все увеличивающийся разрыв, трудно с точностью определить, какие именно социальные нормы изменились и почему.

Вина за рост неравенства в богатых странах возлагается также и на глобализацию. Специализация на экспорте товаров, в производстве которых используется высококвалифицированный труд, ведет к увеличению разрыва между заработной платой квалифицированных и неквалифицированных работников. Кроме того, дешевые импортные товары, произведенные с использованием низкоквалифицированного труда, и вывод производства за границу также вызывают снижение заработной платы или повышение безработицы среди работников с низким или средним уровнем квалификации, еще более усиливая неравенство.

Вполне вероятно, что все четыре фактора (технический прогресс, институциональный сдвиг, изменение социальных норм и глобализация) в той или иной степени повлияли на рост неравенства в странах с развитой экономикой. Однако даже если основной причиной являются такие безликие силы, как технология или даже глобализация, государственное вмешательство все-таки может ограничить рост неравенства.

Усиление разрывов в странах с формирующимся рынком

Почти такая же ситуация наблюдается в развивающихся странах. С одной стороны, США — самая богатая большая страна в мире, которая являет собой хрестоматийный пример растущего неравенства, с другой стороны — почти на противоположном конце экономического и политического спектра — находится Китай. Китай был (и по-прежнему во многом остается) бедной страной, экономика которой из автаркической в начале 1980-х годов превратилась в высшей степени открытую для международной торговли. До начала реформ в 1978 году в Китае была повсеместно распространена бедность, а коэффициент Джини не достигал 30 пунктов. На фоне роста экономики страны после 1978 года неравенство в Китае резко возросло и превзошло показатель США (см. рис. 2). Неравенство увеличилось во всех своих проявлениях. Разрыв между средним доходом в городе и деревне в настоящее время превышает 3 к 1 (для сравнения в Индии этот показатель составляет 2 к 1). Разрыв между провинциями увеличился, поскольку прибрежные провинции, которые и прежде были богаче, развивались быстрее, чем внутренние. Неравенство заработной платы резко возросло. А доходы от собственности и предпринимательской деятельности (которые всегда характеризуются наиболее неравномерным

Рисунок 2

Неуловимые кривые

Неравенство возросло в большинстве стран, но пока только в Бразилии наблюдалось его снижение согласно кривой Кузнецца.

(Коэффициент Джини)

Источник: база данных World Income Distribution.

Примечание. Китай (1964–2005 годы), США (1950–2008 годы), Бразилия (1960–2007 годы), Россия (1992–2005 годы).

распределением и были неизвестны дореформенному Китаю) стали гораздо более высокими.

Однако развитие событий в Китае пока что соответствует классической модели Кузнеця: бедная страна на начальных стадиях развития характеризуется ростом неравенства. Если страна продолжает следовать кривой Кузнеця, то можно ожидать снижения неравенства в будущем. Этому могут способствовать такие правительственные меры, как распространение социального обеспечения на более широкий круг людей (вне государственного сектора), введение пособия по безработице и, возможно, даже гарантии занятости для сельских работников (которые недавно ввела Индия). Может также случиться, что процветание прибрежных провинций распространится на центральные и западные районы Китая. Неравенство не является результатом действия исключительно безликих сил; оно усиливается, когда общество допускает это, и может быть ограничено путем сознательной государственной политики.

На глобальное неравенство воздействуют не только показатели неравенства отдельных стран, но и разрывы между доходами на душу населения разных стран.

Драматический переход

Посткоммунистические страны, за небольшим исключением, испытали на себе наиболее резкий рост неравенства. После распада СССР в начале 1990-х годов неравенство в России стало расти невиданными нигде и никогда ранее темпами. В то время как в США в 1980–1995 годах неравенство увеличивалось примерно на одну треть пункта Джини в год, в России на протяжении десятилетия, последовавшего за распадом СССР, индекс Джини рос в три раза быстрее. В то же время средний реальный доход в России снижался, часто стремительно, порождая огромный пул новых бедных.

Главным фактором, обусловившим рост неравенства в странах бывшего СССР, стал процесс приватизации, который привел к тому, что огромные активы, которые некогда принадлежали советскому государству, оказались в руках лиц, близких к политической власти (олигархов), и создал глубокую пропасть между работниками государственного сектора: теми, кто сохранил работу и даже в ряде случаев преуспел, и теми, кто потерял работу и чьи доходы резко упали (Milanovic and Ersado, готовится к печати).). Разрушилась также система социального обеспечения, которая прежде нередко обеспечивалась работодателями. К концу 1990-х годов рост неравенства прекратился; уровень неравенства в России с тех пор ненамного превышает соответствующий показатель в США и примерно равен уровню Китая.

В других постсоветских странах неравенство также усилилось, хотя и в меньшей степени, чем в России. В ряде центрально-европейских государств (Словении, Чешской Республике, Словацкой Республике) новый уровень неравенства, если сравнивать его со стандартами стран с рыночной экономикой, по-прежнему остался относительно низким. Это связано со вступлением в посткоммунистический переходный период с весьма эгалитарным распределением доходов, и даже несмотря на значительный рост неравенства, его уровень остался в пределах, которые считаются нормальными для стран континентальной Европы.

Латинская Америка — исключения из правил

В ведущих странах Латинской Америки, напротив, на протяжении минувшего десятилетия наблюдалось устойчивое сокращение неравенства (Gasparini Cruces, and Tornarolli, 2011; см. также «Распространение богатства», Ф&Р, март 2011 года). Оно было особенно ощутимо в Бразилии, которая на протяжении десятилетий считалась классическим примером страны с высоким уровнем неравенства. Индекс Джини в Бразилии упал с уровня, немногим превышавшего 60 в 2000 году, до 57 в настоящее время — поразительный сдвиг, учитывая то, насколько сильно должны измениться относительные доходы, чтобы индекс Джини сократился или возрос на 1 пункт, насколько быстро произошли эти изменения и насколько уникальными по сравнению со всем остальным миром они были (см. рис. 2 и 3). Неравенство сократилось также в Мексике и Аргентине.

Эти улучшения часто объясняются программами социальной поддержки, такими как *Oportunidades* в Мексике и *Bolsa Familia* в Бразилии. Однако они слишком велики, чтобы их можно было объяснить одним только введением этих программ, масштабы которых по сравнению с ВВП очень ограничены (Soares et al, 2007). Изменения в Бразилии явились также результатом предоставления более широкого доступа к образованию, благодаря которому предложение квалифицированных работников возросло, в соответствии с заключениями Тинбергена. Но даже несмотря на эти улучшения, латиноамериканские страны по-прежнему демонстрируют самые высокие уровни неравенства в мире. Бразилия остается в числе пяти стран мира, которые характеризуются самым высоким неравенством.

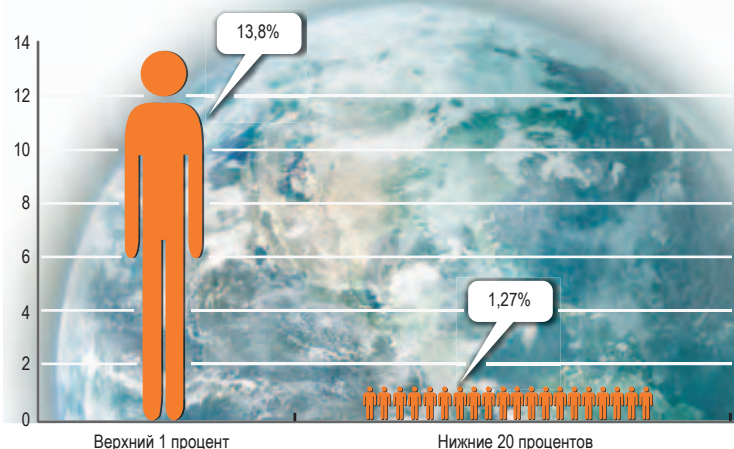
Вокруг света

Если в течение последних 30 лет внутреннее неравенство в большинстве стран либо возросло, либо осталось неизменным, означает ли это, что глобальное неравенство также должно было возрасти? Все не так просто. На глобальное неравенство воздействуют не только показатели неравенства отдельных стран, но и разрывы между доходами на душу населения разных стран. На него влияют численность населения и уровни доходов отдельных стран. К примеру, Китай оказывает на мировое

Рисунок 3

Каково различие!

Один процент богатейших людей в мире получает примерно 14 процентов глобального дохода, в то время как 20 процентов беднейших людей получают чуть более одного процента. (В процентах от глобального дохода)

Источник: база данных World Income Distribution; расчеты автора.
Примечание. Данные за 2005 год.

неравенство гораздо большее воздействие, чем Люксембург. Для того чтобы определить уровень неравенства между гражданами всех стран мира, мы должны рассмотреть две противоположные тенденции: рост неравенства отдельной страны ведет к увеличению мирового неравенства, однако быстрый рост реального дохода в бедных странах, в особенности в таких огромных, как Индия и Китай, ведет к сокращению мирового неравенства.

Данные, необходимые для расчета глобального неравенства, поступают из обследований домашних хозяйств отдельных стран, однако они должны быть дополнены поправочным коэффициентом, чтобы обратить национальные доходы в международную «валюту», которая обладает одинаковой покупательной способностью во всех странах мира. Этим корректирующим коэффициентом является так называемый доллар паритета покупательной способности (доллар ППС). Его основное назначение состоит в том, чтобы вводить поправку на различия в уровнях цен между странами. В сущности, уровень цен в бедных странах ниже, чем в богатых, поэтому с учетом поправки на покупательную способность доходы в бедных странах оказываются выше, чем если бы они измерялись с помощью рыночных обменных курсов. Используя последние данные о долларе ППС, можно построить мировое распределение доходов — огромное собрание данных отдельных обследований, скорректированных на обменные курсы ППС для каждой страны, — и вычислить мировой коэффициент Джини.

Сокращение глобального неравенства... знаменует собой эпохальный сдвиг: оно отражает вновь обретенное благоденствие для миллионов людей.

Используя в этих целях пятилетние интервалы для периода 1988–2005 годов, мы обнаружим, что не существует какого-либо четкого тренда мирового неравенства, однако его уровень крайне высок и колеблется (см. рис. 3) в районе 70 пунктов коэффициента Джини. Это означает, что силы (взвешенные с учетом численности населения) конвергенции между странами (а именно, ситуация, когда Индия и Китай догоняют богатые страны) совсем незначительно компенсируют силы, ведущие к росту неравенства внутри отдельных стран. Однако предварительные данные за 2008 год (которые отражают гораздо более быстрый экономический рост стран с формирующимся рынком по сравнению со странами с развитым рынком) указывают на возможное сокращение мирового неравенства в будущем.

Глобальное неравенство снизилось со стабильного уровня в 70 пунктов коэффициента Джини в 1990–2005 годах до примерно 67–68 пунктов в настоящее время. Этот показатель по-прежнему гораздо выше, чем внутреннее неравенство в любой отдельно взятой стране и выше, чем глобальное неравенство 50 или 100 лет назад. Однако его снижение, наблюдаемое в 2008 году (по всей видимости, пока еще рано говорить о долговременной тенденции), является крайне благоприятным признаком. Если оно будет устойчивым (а многое зависит от будущих темпов экономического роста в Китае), то окажется первым снижением мирового неравенства с середины XIX века и промышленной революции.

Таким образом, промышленную революцию можно рассматривать как «большой взрыв», который вывел одни страны на путь, ведущий к высоким доходам, а другие оставил на очень низком уровне доходов. Но по мере того как доходы двух

великанов — Индии и Китая — все больше отдаляются от прежних уровней, средний мировой доход повышается, и мировое неравенство начинает сокращаться. Парадоксальным образом эти обнадеживающие тенденции совпали со всемирным финансовым кризисом, однако очень простая арифметика дохода и численности населения показывает, что «расстыковка» экономического роста между богатыми странами и странами с формирующимся рынком способствует снижению глобального неравенства.

Даже в разгар кризиса и вопреки всем внешним проявлениям экономическая наука изучает не только «удручающие» обстоятельства. Сокращение глобального неравенства, обусловливаемое высокими темпами экономического роста и повышением уровня жизни в густонаселенных и пока еще относительно бедных странах, таких как Индия и Китай, знаменует собой эпохальный сдвиг: оно отражает вновь обретенное благоденствие для миллионов людей. И по мере укрепления взаимосвязей между странами политическая значимость снижения глобального неравенства может однажды перевесить рост неравенства отдельных стран. ■

Бранко Миланович — ведущий экономист в Исследовательском отделе Всемирного банка и приглашенный профессор Школы углубленных международных исследований Университета Джона Хопкинса, а также автор недавно опубликованной книги «The Haves and the Have-Nots: A Brief and Idiosyncratic History of Global Inequality».

Литература:

Burkhauser, Richard, Shuaizhang Feng, Stephen Jenkins, and Jeff Larrimore, 2009, "Recent Trends in Top Income Shares in the USA: Reconciling Estimates from March CPS and IRS Tax Return Data," IZA Discussion Paper No. 4426 (Bonn, Germany: Institute for the Study of Labor).

Gasparini, Leonardo, Guillermo Cruces, and Leopoldo Tornarolli, 2011, "Recent Trends in Income Inequality in Latin America," *Economía*, Vol. 11, No. 2, pp. 147–90.

Goldin, Claudia, and Lawrence Katz, 2008, *The Race Between Technology and Education* (Cambridge, Massachusetts: Belknap Press).

Karabarbounis, Loukas, 2011, "One Dollar, One Vote," *Economic Journal*, Vol. 121, No. 553, pp. 621–51.

Levy, Frank, and Peter Temin, 2007, "Inequality and Institutions in 20th Century America," MIT Department of Economics Working Paper No. 07/17 (Cambridge, Massachusetts: Massachusetts Institute of Technology).

Milanovic, Branko, forthcoming, "Global Inequality Recalculated and Updated: The Effect of New PPP Estimates on Global Inequality and 2005 Estimates," *Journal of Economic Inequality*.

—, and Lire Ersado, forthcoming, "Reform and Inequality During the Transition: An Analysis Using Panel Household Survey Data, 1990–2005," *Economies in Transition: The Long-Run View*, ed. by Gérard Roland (Houndmills, United Kingdom: Palgrave Macmillan).

Organization for Economic Cooperation and Development (OECD), 2008, *Growing Unequal? Income Distribution and Poverty in OECD Countries* (Paris).

Piketty, Thomas, and Emmanuel Saez, 2006, "The Evolution of Top Incomes: A Historical and International Perspective," NBER Working Paper No. 11955 (Cambridge, Massachusetts: National Bureau of Economic Research).

Soares, Sergei, Rafael Guerreiro Osorio, Fábio Veras Soares, Marcelo Medeiros, and Eduardo Zepeda, 2007, "Conditional Cash Transfers in Brazil, Chile and Mexico: Impacts on Inequality," IPC Working Paper No. 35 (Brasilia: International Poverty Centre).